

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 1036-1044
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.1036

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Russo-Japanese War of 1904–1905 as a Factor in the Modernization of Gender Contracts: Challenges and Adaptation Practices

Olga A. Sukhova ^{a, *}

^aPenza State University, Russian Federation

Abstract

The factors and specific features of the evolution of popular perceptions of regarding the prescriptive and normative nature of gender contracts in Russian society during the Russo-Japanese War examines in this article.

The corpus of sources consists of administrative materials, periodicals, and personal documents. The author's argumentation is based on the systematization and generalization of a wide range of studies devoted to general issues of the history of military conflict, gender history, the reflection of social representations in the media, diary entries, memoirs, and the formation of the image of the "warrior maiden" in Russian literature.

The analysis establishes that the changing discourse of "masculinity" and "femininity" in the public sphere of Russian society is due to the modernization of military technologies, the widespread nature of mobilization practices, the growing number of combatants, and the continued high level of religiosity. Mechanisms for adapting traditional culture to the new challenges of the modern era were realized through the actualization of the ideals of spiritual and moral service; the strengthening of gender tolerance; the replication of social activism, the ideal of sacrifice of "warrior maidens" and manifestations of "female power", which had been successfully tested in previous wars. The flip side of the coin will be the acceleration of the process of emancipation and the activation of the women's movement in the Russian Empire.

Keywords: the Russo-Japanese War, Russian Empire, Penza region, masculinity, femininity, gender contracts, public sphere.

1. Введение

Поиск решения проблем глобальной безопасности формирует социальный запрос на разработку проблематики новой военной истории в общем контексте ее антропологизации. При изучении *postmodern* или *new wars*, авторы справедливо указывают на сочетание досовременных и современных элементов в восприятии военных конфликтов (Kaldor, 2012: 2), что задает определенную направленность научным исследованиям в сфере культурно-антропологического измерения исторических событий. Одним из аспектов изучения выступает трансформация дискурса маскулинности и фемининности в общественном сознании (Sjoberg, 2010). Эволюция контента при этом рассматривается в общей динамике представлений от практик инициации, обрядов перехода к уравниванию гражданства и военной службы, а затем – к утверждению маскулинности как ощущения власти, превосходства, безопасности и формированию традиционной модели гегемонной маскулинности (Игаева, 2018).

Русско-японская война 1904–1905 гг., манифестирующая собой реализацию новой внешнеполитической доктрины, стала пробой модернизационных усилий России в деле оборонного строительства и транспортной инфраструктуры, исправления стратегических ошибок Крымской

* Corresponding author

E-mail addresses: savtemp@yandex.ru (O.A. Sukhova)

войны. Успех грядущего военного конфликта зависел, в том числе, и от формирования адекватных современной эпохе патриотических представлений и поведенческих установок. В то же время естественным откликом общества на либеральные реформы и технологическую модернизацию становится переосмысление гендерных контрактов по пути сближения маскулинного и фемининного измерений войн. Исторические реалии начала XX в. оказались серьезным вызовом не только для планирования и ведения боевых действий, обеспечения вооруженных сил, но и для мобилизационной стратегии в целом, ориентированной на простое воспроизводство традиционных (архаичных) идеологем военного сознания и психологии. Мобилизационные кампании впервые в массовом порядке затронули семейных призывников и запасных, утвердив феномен солдатской жены как нового актора публичной сферы российской провинции. Напряженный эмоциональный фон из-за переживания разлуки, угроза крушения материального благополучия семьи, укрепление религиозности и воцерковленности населения, экстремизация повседневности вызовут рост социальной активности женщин, в том числе, и в непривычных для них средах. Так, «баба с газетой» стала открытием и откровением для российской публики (Щербинин, 2004).

2. Материалы и методы

Реконструкция дискурса маскулинности и фемининности в общественном сознании, собирательных образов участников военных конфликтов осуществляется посредством обращения к периодической печати российской провинции (ПГВ, 1904). Столь же значимым источником представляются письма, путевые заметки, дневниковые записи, запечатлевшие «лики войны». В документах личного происхождения фиксируются индивидуальные и коллективные реакции, представления о «героях» и «жертвах», репрезентации «маскулинного» и «фемининного» в публичной и приватной сферах (Гейнце, 1904; Иванов, 2019). Для изучения официального восприятия психологических характеристик комбатантов привлечены материалы делопроизводственной документации низовых властных структур, раскрывающие практики проведения мобилизационных кампаний (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7514, 7516). Анализ источников осуществляется посредством герменевтического метода, предполагающего интерпретацию текстов с учетом историко-культурного и психологического контекста.

Терминология исследования определяется социально-конструктивистской парадигмой, в основе которой лежит концепция социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана (Бергер, Лукман, 1995). Социально-конструктивистская и постмодернистская исследовательские стратегии измерения маскулинности/фемининности позволяют рассматривать таковые через соотношение и трансформацию под воздействием исторических обстоятельств и вызовов (Френкель, 2024). Постмодернистскую парадигму передает категория «дискурс», ориентирующая на социальное взаимодействие и формирование идентичностей – паттернов межличностных коммуникаций и моделирования инвариативных социальных ролей (Савелова, 2011).

В этом контексте гендер представляет собой специфический и непостоянный набор культурных характеристик, определяющих сознание и поведение мужчин и женщин в вопросах самоидентификации и взаимодействия. На содержание таковых оказывают воздействие социальные и политические институты, социальные нормы, роли, стереотипы, установки сознания и поведения (Михайлова, 2011).

Принципиальное отличие данных концептов от дихотомии «мужественность» и «женственность» заключается в предписательно-нормативной сущности последних, а также в наделении «мужественности» положительной коннотацией, а «женственности», соответственно, отрицательной, негативной. «Маскулинность» и «фемининность» ориентируют на соотнесение с системами социального и межличностного взаимодействия, социальными гендерными контрактами, отношениями в системе власти-подчинения, совокупностью социальных функций и ролей, индивидуальным выбором поведенческих стратегий (Connel, 2005; Кон, 2009).

3. Обсуждение

На рубеже 1990–2000-х гг. в исторической науке наметилось две тенденции: с одной стороны, возрос интерес к изучению военно-исторической психологии, а, с другой, – происходит утверждение антропологической парадигмы в целом, что позволило определить первое десятилетие XXI в. как период формирования новой междисциплинарной отрасли науки – военной антропологии. Одной из ключевых проблем данного направления стало изучение особенностей гендерной психологии, включая феномен массового участия женщин в войнах XX столетия (Сенявская, 1999; Сенявская, 2016; Сенявская, 2018; Сенявская, 2023).

Сложная задача воссоздания целостной картины присутствия женщин в воинстве российском на всем протяжении отечественной истории была поставлена в монографии Ю.Н. Ивановой (Иванова, 2003). Автор последовательно реконструирует этапы трансформации гендерных контрактов от былинных богатырок-поляниц до сестер-милосердия и авиатрисс Первой мировой и массового замещения «мужских» специальностей в Великой Отечественной войне. Одним из переломных моментов в процессе феминизации военных конфликтов становится Русско-японская

война, первый опыт массового участия сестер милосердия, женщин-врачей и фельдшерниц в деятельности лазаретов, перевязочных пунктов, госпитальных судов и пр. непосредственно в зоне столкновения с противником (Иванова, 2003: 51-88).

Проявления фемининности в условиях военного времени стали предметом рассмотрения П.П. Щербинина. Авторское видение проблемы основывается на концепции культурной травмы в двух женских ипостасях: солдатки (социально-правовое положение и бытовые реалии семей призванных на войну солдат) и воительницы, сознательно выбиравшей мужские роли или иные новые сферы публичной активности (сестринское дело) (Щербинин, 2004; Щербинин, 2004а).

В региональной историографии Русско-японской войны в качестве самостоятельного направления утверждается разработка проблематики «дискурса», социально-психологических репрезентаций в публичной сфере Человека воюющего и/или переживающего войну (Михайлова, 2020; Magsumov et al., 2022).

4. Результаты

В современной историографии ключевым фактором феминизации войн рассматриваются «эгалитарные настроения и эмансипация революционной эпохи». Признание личностных и гражданских прав женщин способствовало их широкому участию в военных событиях 1789–1815 гг. (Шереметьев, 2009: 120). В России освоение подобных практик имело свои особенности и происходило непосредственно в период военных конфликтов, обозначив реакции комбатантов на психотравмы эпохи модерна. В этом контексте автаркия российского традиционализма будет размываться под воздействием восприятия «новых» в технологическом отношении войн (рост численности участников, применение новых видов оружия для поражения противника, и, соответственно, увеличение безвозвратных потерь и численности раненых и больных воинов, понимание необходимости модернизации медицинского сопровождения конфликтов и пр.).

Русско-японская война спровоцировала масштабный и одномоментный переход к экстремальным практикам повседневности, что подтверждается численностью привлеченных комбатантов, восприятием мобилизации и потерями личного состава. Так, по данным Красного Креста, потери русской армии за все время войны составили 182 051 человека, в том числе, раненых и контуженных – 122 690, число госпитализированных больных определялось в 358 425 человек, а амбулаторных – в 1,27 млн человек (Отчет..., 1911: 608).

Б.В. Соколов, ссылаясь на подсчеты отечественных (Г.Ф. Кривошеев и др.) и зарубежных исследователей (Н. Чорновил), указывает на наличие значительного диапазона в оценках числа участвовавших в боевых действиях: от 539 734 человек в составе армии, 34 557 человек в составе флота и еще 7667 в составе береговых подразделений флота, и до не менее 1465 тыс. комбатантов, а общего числа мобилизованных – свыше 1,9 млн человек. Потери русской армии и флота, включая погибших на поле боя и умерших от ран и болезней составили от 43 586 до 92 485 человек. Нельзя не отметить высокий процент умерших от болезней (по данным Г.Ф. Кривошеева, 12 128 человек при 25 331 убитых на поле боя) (Соколов, 2022: 16-18).

Первым непосредственным откликом на нападение Японии стал освященный религиозным сознанием подъем патриотических настроений по всей империи. Чтение манифеста об объявлении войны с Японией совпало по времени с празднованием масленицы. Массовые гуляния и молебны лишь усилили потребность в единении, в проявлении солидарных практик жертвования на военные нужды (ПГВ, 1904. № 53: 2; № 88: 1). В то же время частичные (или частные) мобилизации нижних чинов Московского и Киевского военных округов (последняя из девяти прошла буквально накануне подписания мирного договора – в августе 1905 г.), всеобщие мобилизации в Сибирском и Приамурском военных округах (О частных мобилизациях..., 1905) возымели характер мощнейшего фактора роста социальной напряженности, трансформации традиционных гендерных ролей и поиска путей адаптации. Вызовом традиционному восприятию войны послужил призыв «бородачей», запасных старших сроков службы, обремененных многочисленным семейством (Гейнце, 1904: 10-11; Щербинин, 2004а: 190). В этом случае характеристики эмоционального подъема (Гейнце, 1904: 10-11) будут дополнены женским плачем и проклятиями «дальневосточной бойне» (Щербинин, 2004а: 188), что спровоцирует погромные настроения призывников на территории сборных пунктов и железнодорожных станций по пути следования воинских эшелонов (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7514, 7516). Так, в результате «преждевременной явки» на сборный пункт в г. Городище Пензенской губернии 2 июня 1904 г. (по этой причине запасных не поставили на довольствие и рекомендовали вернуться в свои селения до срока явки, и прибыть на следующий день) запасные, многие из которых прибыли на своих подводах в сопровождении родственников, в числе 100 человек собрались на городской базарной площади, где стали возмущаться высоким ценам, «производя шум и беспорядок». Вечером того же дня «партия запасных, будучи в пьяном виде и не подчиняясь никаким увещаниям, приступила уже к разбитию бакалейных мелочных лавок»; «вот, братцы, мы за них идем кровь проливать, а они с нас за насущный хлеб последнее тянут» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7514. Л. 32–320б., 140).

Закрепленные общинным архетипом, практики солидаризации и массовой социальной активности выступали равно как основой невероятной стойкости и покорности своей участи

(по мнению иностранных корреспондентов, в период войны с Японией русская армия являла «...такую неустрашимость, которая ошеломляет. Солдаты ее умирают с поразительной покорностью» (Нодо, 1906: 104), так и формировали убежденность в иррационализме и априори бунтарском, «женском» характере русского мужика. Так, согласно рапорту саранского уездного исправника (Пензенская губерния), 29 сентября 1904 г. по прибытии эшелона из Нижнего Новгорода на станцию «Темирязево» Московско-Казанской железной дороги «нижние чины вели себя буйно и выбили стекла в винной лавке в с. Ромодановке». Две партии запасных: 600 человек из Владимирской и 700 – из Тверской губерний «в совершенно нетрезвом виде», воспользовавшись 4-часовой остановкой поезда, разгромили винную лавку, буфет, трактирное заведение и учинили массовую драку на станции «Саранск»: «били друг друга всем, что попадало им под руку: бутылками, дровами, камнями, а некоторые и ножами. Драка и кровавое побоище продолжалось более часа». Аналогичные беспорядки произошли на станциях «Башмаково» и «Пачелма» в ночь на 2 ноября 1904 г. В составе эшелона находилось 1200 человек. Нередко эшелоны следовали один за другим ежедневно, и каждый эшелон добавлял новые штрихи к портрету «запасного»: «Нахальства и бесчинства не поддаются описанию» (эшелоны из Виленского и Варшавского военных округов), «не войско, а сборище негодяев» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7516. Л. 4, 5, 21, 27, 51). Военнослужащие регулярных войск называли «буйствующих» запасных «хунгузами» (хунхузы – члены преступных группировок, действовавших на территории Маньчжурии – прим. автора), маркируя их как этнических чужаков (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7516. Л. 45).

Массовые реакции, спровоцированные неготовностью мобилизационной инфраструктуры, системы обеспечения призывников (наполнение воинских эшелонов составляло до 1000 человек «бородачей» и более при 1–2-х офицерах; неготовность к массовому перемещению военнослужащих; длительные остановки на железнодорожных станциях; закрытие винных лавок), отражали традиционные представления о маскулинности, о мире мужчин – мире власти и насилия (Скороспелова, 2019: 78), но, с другой, девальвировали содержание идеологических практик – средств легитимации войны (Скороспелова, 2019: 80). В этом же контексте следует интерпретировать содержание слухов о «бедствиях, претерпеваемых нашими войсками на Байкале», имевших хождение в Иркутске и других городах России: «В городе ходят слухи о том, что переправляющиеся эшелоны идут через Байкал раздетыми, что в Иркутске много отмороженных, требующих ампутации. Много замерзших и прочее» (ПГВ, 1904. № 53: 2). Слухи соответствовали реалиям лишь отчасти и транслировали скорее эффект гиперболизации жертвы и травмирующего влияния войны в образе страдающего солдата.

Образ воина в XVIII и н. XIX вв. формировался вне семейных уз. По подсчетам исследователей, в русской армии наполеоновской эпохи насчитывалось лишь 9 % женатых офицеров (Шереметьев, 2009: 109). Ситуация в мобилизации 1904 г. была принципиально иной. Беспокойство за близких, ощущение разрыва привычных родственных связей выступали серьезной угрозой для воспроизводства маскулинности на войне. Образ «мужичка-бородача», «мирного хлебопашца», оторванного от семьи и потерявшего в «крошечном аду» войны запечатлен в воспоминаниях сестры-волонтерки Н.В. Козловой (Козлова, 1913: 552-553; 951). 22 декабря 1904 г. при обследовании воинского поезда № 52 на станции Леонидовка Пензенской губернии было обнаружено исчезновение одного из нижних воинских чинов. На поиски был отправлен вспомогательный паровоз и беглеца обнаружили. В ходе дознания тот показал, что выпрыгнул из поезда рядом со станцией Селикса, так как «хотел проститься с родственниками», проживавшими в данном селении (ПГВ, 1904. № 361: 3).

На другой чаше весов публичного дискурса в качестве определенного балансира, призванного уравновесить «немужские» проявления, дегероизацию поведения мужчин, проявились героические образы сестер милосердия, фельдшерниц, добровольниц. В начале Русско-японской войны возрождаются массовые практики женского социального волонтерства и подвижничества, закрепленные опытом участия в Сербско-турецкой и Русско-турецкой войнах 1876–1878 гг., в деятельности Российского Общества Красного Креста (РОКК). Одной из первых этапов становления движения и мотивацию женской активности зафиксировала Н.А. Лухманова (РО ИРЛИ. Ф. 571. Д. 32. Л. 61–63об.). В апреле 1904 г. Надежда Александровна в качестве корреспондента «Красного креста» отправилась в Манчжурию и записала свои впечатления и размышления в серии рассказов. По мнению автора, за первой волной «бессознательной пионерной женской эмансипации от прежних застойных идей о том, что война есть дело исключительно мужское», сформировавшей общины по образу и подобию монашеской аскезы, пришли волонтеры: матери, сестры, жены, не смилившиеся с пассивным ожиданием и бездействием (РО ИРЛИ. Ф. 571. Д. 32. Л. 61–61об.).

По подсчетам Ю.Н. Ивановой, в русско-японскую войну в госпиталях, на плавлазаретах и санитарных поездах и т.д. служило свыше 3 тысяч сестер милосердия, в том числе, около 50 женщин-врачей и 60 фельдшерниц; свыше полутора тысяч женщин были удостоены государственных наград, в том числе около полутора сотен золотых и серебряных на Георгиевской ленте (Иванова, 2003: 78-80). Пензенская община сестер милосердия была открыта 17 мая 1894 г. по инициативе председательницы местного управления Красного Креста В.И. Горяиновой, супруги губернатора. Спустя два года объединение было принято под покровительство Императрицы Александры Федоровны и стало именоваться – «Община во имя Святой Великой княгини Ольги» (РГИА. Ф. 1284.

Оп. 185. 1896. Д. 10). 24 марта 1904 г. пензенский отряд Красного Креста в составе 15 сестер милосердия и 4 волонтерок был направлен в г. Нерчинск. Здесь был сформирован госпиталь на 100, а спустя год – на 200 кроватей. В 1905 г. от пензенской общины в Нерчинск было направлено еще 4 сестры и 2 волонтерки, число раненых и больных выросло до 250 и более (Отчет..., 1912: 11-12).

Возобновляется деятельность Дамского комитета (в традициях женского патриотического движения 1877–1878 гг.): по инициативе и под председательством супруги пензенского губернатора А.И. Хвостовой 4 февраля 1904 г. в Губернаторском доме состоялось первое его заседание, на которое собралось до 70 человек. Первостепенной задачей доброволиц было определено шитье белья и сбор теплых вещей для комплектования санитарного отряда, готовившегося отправиться на Дальний Восток, а также сбор средств на поддержку раненых и больных воинов (ПГВ, 1904. № 33: 3; № 35: 3). К концу декабря сборы (пожертвования) составили 11408 руб. 20 коп. (ПГВ, 1904. № 356: 3). Провинциальная пресса предельно четко зафиксировала предписательно-нормативное содержание гендерных контрактов: «В ночь на 20 апреля проследовали через Пензу добровольцы, едущие из Одессы на Восток, в составе 131 чел. нижних чинов при офицере. В 10 час. вечера в сопровождении члена Дамского Комитета М.И. Шумейко прибыла на вокзал Ея Превосходительство Председательница Дамского Комитета А.И. Хвостова, которая отъезжающим воинам раздала 131 кiset с подарками и нуждающимся 75 человекам разное белье» (ПГВ, 1904. № 110: 2).

По удаленности театра военных действий и общей незначительной численности «слабого пола» на Дальнем Востоке репрезентации образа женщины-комбатанта в публичном дискурсе непосредственно в период конфликта имели сакрализованный и положительный характер (Этюд «Сестра милосердия») (ПГВ, 1904. № 48: 2). В последующем подобные установки подкреплялись информацией о высоком уровне боевых и санитарных потерь. Так, по воспоминаниям И.Е. Иванова, после боев на р. Шахэ, все госпитали в Харбине, «приняв раненых вдвое-втрое против положенного, были завалены ими», а между тем, с юга в город прибывали все новые и новые поезда, разгружались и поспешно отправлялись обратно, на Шахэ, где раненые «оставались в шатрах или даже прямо на воздухе, хотя уже стоял конец октября...» (Иванов, 2019: 218-219).

Ощущение психологической травмы в массовом сознании усиливается после падения Порт-Артура. На страницах провинциальной прессы это проявляется, в том числе, и в стереотипизации новых гендерных ролей. Так, 26 декабря 1904 г. «жители г. Пензы» направляют телеграмму поддержки генерал-адъютанту А.М. Стесселю: «шлем братский привет героям и их вождю... Желаем Вам и всем больным и раненым полного выздоровления». В числе подписавшихся встречаем репрезентации собирательных образов гендерного дискурса: «сестра милосердия Деконская», «раненый капитан В. Иванов» (ПГВ, 1904. № 361: 3).

Описывая трагедию Мукденского сражения, Н.В. Козлова сообщает о том, что при отступлении русской армии из города не успели эвакуировать до двух тысяч раненых, акцентируя внимание на решении сестер, которые «как женщины» могли уехать, но остались в госпиталях, «чем, говорят, особенно тронуты и утешены были раненые солдаты» (Козлова, 1913: 961).

В письмах военного корреспондента Н.Э. Гейнце, сопровождавшего воинский эшелон и оказавшегося на передовой, непосредственно в гуще событий Русско-японской войны, воссоздано несколько типов «женщин-героинь» (Гейнце, 1904: 274). Первый – это сестра милосердия/фельдшерица: «Тут же на полях Вафангоу выказалась во всем своем блеске доблесть русской женщины – сестра милосердия г-жа Воронова под градом пуль, спокойно сидя на коне, распоряжалась действиями санитаров» (Гейнце, 1904: 20, 67). В публикациях более позднего периода коннотация станет сложнее, но не выйдет за пределы мифологической традиции.

Кроме того, в качестве вовсе не единичных случаях жертвенного служения семье и Отечеству описаны практики участия волонтерок (сестер-доброволиц) и жен офицеров («боевых подруг») местных гарнизонов и воинских частей: «Вот с застывшим выражением глубокой печали на челе, бесстрашно и бесстрастно распоряжается сестра Хватунова, только что потерявшая любимого мужа, павшего славной смертью героя в битве под Вафангоу, вот сестра Тучкова, жена ротного полкового командира, достойная спутница жизни воина, вот и другие, мужественные, пренебрегающие опасностью, готовые на смерть для великого дела помощи раненым»; «Тут мало удивления, мало поклонения! Тут хочется молиться перед этим воплощением милосердия на земле» (Гейнце, 1904: 83). Встречается и прямая отсылка к образу Н.А. Дуровой («Современные «кавалерист-девицы!»: «Облеклись в казацкое платье и жены одного степного коменданта близ Ляояна и пограничного офицера на посту, около Тъелина. Обе они с необычайным бесстрашием являются товарищами по оружию своих мужей» (Гейнце, 1904: 274-275).

Проявление инверсии гендерных ролей в реальном времени актуализировало художественные образы амазонок, «царь-девицы», богатырок-поляниц (один из источников – славянский фольклор) и переходного индивидуализированного типа воительницы – «кавалерист-девицы» в литературе Серебряного века (Зусева-Озкан, 2021: 43, 52, 68, 73). Источники эпистолярного жанра также воспроизводят представление об андрогинности воительницы (Зусева-Озкан, 2021: 52). Так, Н.Э. Гейнце в качестве особого типа «героев» зафиксировал образ «девиц-разведчиков»: «В последний вечер моего пребывания в Мукдене любопытная встреча на станции с девицей-

разведчиком Елизаветой Смолка». Особый акцент автор делает на отсутствии фемининных признаков и наличии маскулинных: «одета в мужской костюм»; «Говоря про себя, употребляет мужской род» (Гейнце, 1972; 274).

Вместе с тем, в эпистолиях и мемуарной литературе появляются акценты амбивалентности «высоких» и «низменных» характеристик жертвенного служения сестер милосердия, что, по своей сути, выступало отголоском мифологической традиции нераздельного отождествления фигуры воительницы «одновременно с девственницей и блудницей, спасительницей и нуждающейся в спасении» (Зусева-Озкан, 2021: 36). Так, в рассказе-очерке «Сестра милосердия» Н.А. Лухманова негодует против «бессовестных инсинуаций, которыми всюду травят сестру милосердия», чье пребывание на фронте окрашивалось в тона фривольности, становилось предметом скабрёзных шуток и двусмысленных вульгарных реплик со стороны мужчин: «Сестру видели на извозчике с офицером...». Причины происходящего Лухманова усматривает в сохранении патриархального гендерного контракта: «Неужели же женщина не может никогда признать в женщине равного себе человека...»; «Есть люди, которые считают, что белая косынка есть уже символ отречения от всяких земных страстей и от всех человеческих чувств» (РО ИРЛИ. Ф. 571. Д. 32. Л. 63 об.–65об.). По всей вероятности поведение сестер-воительниц было скорее отражением образа, закреплённого в вековой традиции противопоставления маскулинного и фемининного, нежели реальной повсеместной практикой (особенно учитывая возраст многих сестер). На стороне волонтерок выступали и мужчины, подчеркивая, что «красный крест на груди есть символ страдания и скорби» (Иванов, 2019: 211). «Впечатления раненого...» увидели свет в 1914 г., и автор отмечает единственный случай неприличного жеста и реплик со стороны раненого, что встретило незамедлительный и жесткий отпор со стороны офицеров. Сестры дворянского госпиталя были «выше подозрений и пользовались вниманием и благодарностью со стороны раненых» (Иванов, 2019: 210-211).

5. Заключение

Таким образом, ключевым фактором изменения содержания в репрезентациях маскулинности и фемининности периода Русско-японской войны выступит переживание травмы и поиск путей адаптации традиционного общества к военным конфликтам эпохи модерна. Очертания новых гендерных контрактов проявятся уже в Крымской и Русско-турецкой войнах и приведут к масштабированию практик социального служения женщин. В 1904 г. частота мобилизационных кампаний и череда военных неудач обеспечат сближение полюсов мужского и женского начал. Не менее значимым основанием тиражирования подобного образа следует рассматривать сохранение и воспроизводство аскетического начала православной религиозной идентичности.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02827, <https://rscf.ru/project/25-28-02827/>

Литература

- Бергер, Лукман, 1995 – Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва: Медиум, 1995. 323 с.
- Воробьева, 2008 – Воробьева Э.А. Формирование образа героя в русско-японскую войну 1904–1905 годов (на материалах газет «Дальний восток», «Сибирская жизнь», «Вестник Маньчжурской армии») // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2008. Т. 7. № 1. С. 141-146.
- ГАПО – Государственный архив Пензенской области.
- Гейнце, 1904 – Гейнце Н.Э. В действующей армии (Письма военного корреспондента). Санкт-Петербург: типо-лит. «Энергия», 1904. 292 с.
- Зусева-Озкан, 2021 – Зусева-Озкан В.Б. Дева-воительница в литературе русского модернизма: образ, мотивы, сюжеты. Москва: Индрик, 2021. 712 с.
- Иванов, 2019 – Иванов И.Е. Впечатления раненого в Русско-японскую войну // *XX века Россия: общество, реформы, революции* [Электронный сборник]. Вып. 7. Самара, 2019. С. 177-230.
- Иванова, 2003 – Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. Москва: РОССПЭН, 2003. 272 с.
- Игаева, 2018 – Игаева К.В. Гендерные исследования «новых войн»: воспроизводство маскулинности или переосмысление представлений о мужестве // *Социология власти*. 2018. Т. 30. № 1. С. 245-251.
- Козлова, 1913 – Козлова Н.В. Под военной грозой (воспоминания сестры-волонтерки) // *Исторический вестник*. 1913. Т. 134. Ноябрь. С. 533-562; Декабрь. С. 943-974.
- Кон, 2009 – Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. Москва: Время, 2009. 496 с.
- Михайлова, 2011 – Михайлова Е.В. Гендреная философия: маскулинность и фемининность // *Вестник Марийского государственного университета*. 2011. № 6. С. 11-14.
- Михайлова, 2020 – Михайлова И.П. Отклик на события Русско-японской войны в газете

«Курский листок» (1904–1905) в контексте идей эпохи // *Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого*. 2020. № 8 (33). С. 1-6.

Нодо, 1906 – *Нодо Л.* Письма о войне с Японией. Пер. с фр. Н.М. Лагов. Санкт-Петербург: тип. Исидора Гольдберга, склад у В.А. Березовского, 1906. 328 с.

О частных мобилизациях..., 1905 – О частных мобилизациях, произведенных в 1904–1905 гг. // *Летопись войны с Японией*. 1905. Т. 82–83. С. 1598-1606.

Общины..., 2019 – Общины сестер милосердия Российской империи в 1844–1917 гг.: Энциклопедический справочник / Под общ. ред. свящ. А. В. Постернака. Москва: Изд-во ПСТГУ, 2019. 608 с.

Отчет..., 1911 – Отчет о деятельности Российского общества Красного Креста во время Русско-японской войны. Т. II. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов, 1911. 961 с.

Отчет..., 1912 – Отчет Пензенской общины сестер милосердия во имя Св. Ольги, состоящей под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Александры Федоровны за 1911 год. Пенза: Губернская типография, 1912. 33 с.

ПГВ, 1904 – Пензенские губернские ведомости, 1904.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук.

Савелова, 2011 – *Савелова М.А.* Маскулинность и фемининность как ключевые категории гендерной теории // *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*. 2011. № 5–6. С. 43-47.

Сенявская, 1999 – *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. Москва: РОССПЭН, 1999. 383 с.

Сенявская, 2016 – *Сенявская Е.С.* Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли // *Вестник Мининского университета*. 2016. № 1-2 (14). С. 14.

Сенявская, 2018 – *Сенявская Е.С.* Человек на войне, или тернистый путь от военной истории к военной антропологии // *Исторический вестник*. 2018. Т. 24. С. 10-43.

Сенявская, 2023 – *Сенявская Е.С.* Военная антропология в новых исторических условиях // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2023. Т. 45. № 8. С. 46-54.

Соколов, 2022 – *Соколов Б.В.* Людские потери России и СССР в войнах XX–XXI вв. Москва: Новый Хронограф, 2022. 768 с.

Френкель, 2024 – *Френкель И.А.* Дискуссионные проблемы толкования гендерных категорий «мужественность», «маскулинность» / «virilité» / «masculinité» // *Гуманитарные исследования*. 2024. № 4 (92). С. 49-58.

Щербинин, 2004 – *Щербинин П.П.* Баба с газетой: Как жила черноземная провинция во время войны с Японией // *Родина*. 2004. № 4. С. 95-97.

Щербинин, 2004a – *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов: Юлис, 2004. 510 с.

Connel, 2005 – *Connel R.W.* Masculinities. 2nd ed. University of California Press, 2005. 324 p.

Kaldor, 2012 – *Kaldor M.* New and old wars: organized violence in a global era. Cambridge: Polity Press, 2012. 256 p.

Magsumov et al., 2022 – *Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B.* The Russian-Japanese War in the Reflection of the “Yakutskie Eparkhial'nye Vedomosti” // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 934-942.

Sjoberg, 2010 – *Sjoberg L.* (Editor), *Via S.E.* (Editor), *Enloe C.* (Foreword). Gender, War, and Militarism: Feminist Perspectives. Santa Barbara: Praeger, 2010, 304 p.

References

Berger, Lukman, 1995 – *Berger, P., Lukman, T.* (1995). Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge]. Moskva: Medium. 323 p. [in Russian]

Connel, 2005 – *Connel, R.W.* (2005). Masculinities. 2nd ed. University of California Press. 324 p.

Frenkel', 2024 – *Frenkel', I.A.* (2024). Diskussionnye problemy tolkovaniya gendernykh kategorii «muzhestvennost'», «maskulinnost'» / «virilité» / «masculinité» [Controversial issues in interpreting the gender categories “masculinity”, “masculinity” / “virilité” / “masculinité”]. *Gumanitarnye issledovaniya*. 4(92): 49-58. [in Russian]

GAPO – Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti [State archives of the Penza region].

Geintse, 1904 – *Geintse, N.E.* (1904). V deistvuyushchei armii (Pis'ma voennogo korrespondenta) [In the active army (letters of a war correspondent)]. Sankt-Peterburg: tipo-lit. «Energiya». 292 p. [in Russian]

Igaeva, 2018 – *Igaeva, K.V.* (2018). Gendernye issledovaniya «novykh voyn»: vosproizvodstvo maskulinnosti ili pereosmyslenie predstavlenii o muzhestve [Gender studies of the “new wars”: reproduction of masculinity or rethinking ideas of courage]. *Sotsiologiya vlasti*. 30(1): 245-251. [in Russian]

- Ivanov, 2019** – *Ivanov, I.E.* (2019). Vpechatleniya ranenogo v Russko-yaponskuyu voinu [Impressions of a wounded man in the Russo-Japanese war]. *XX vek Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii* [Elektronnyi sbornik]. Vyp. 7. Samara. Pp. 177-230. [in Russian]
- Ivanova, 2003** – *Ivanova, Yu.N.* (2003). Khrabreishie iz prekrasnykh: Zhenshchiny Rossii v voinakh [The bravest of the beautiful: Russian women in wars]. Moskva: ROSSPEN. 272 p. [in Russian]
- Kaldor, 2012** – *Kaldor, M.* (2012). New and old wars: organized violence in a global era. Cambridge: Polity Press. 256 p.
- Kon, 2009** – *Kon, I.S.* (2009). Muzhchina v menyayushchemsya mire [A man in a changing world]. Moskva: Vremya. 496 p. [in Russian]
- Kozlova, 1913** – *Kozlova, N.V.* (1913). Pod voennoi grozoi (vospominaniya sestry-volonterki) [Under the Storm of War (Memoirs of a Volunteer Sister)]. *Istoricheskii vestnik*. T. 134. Noyabr'. Pp. 533-562; Dekabr'. Pp. 943-974. [in Russian]
- Magsumov et al., 2022** – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B.* (2022). The Russian-Japanese War in the Reflection of the “Yakutskie Eparkhial'nye Vedomosti”. *Bylye Gody*. 17(2): 934-942.
- Mikhailova, 2011** – *Mikhailova, E.V.* (2011). Gendrenaya filosofiya: maskulinnost' i femininnost' [Gender philosophy: masculinity and femininity]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6: 11-14. [in Russian]
- Mikhailova, 2020** – *Mikhailova, I.P.* (2020). Otklik na sobytiya Rusko-yaponskoi voiny v gazete «Kurskii listok» (1904–1905) v kontekste idei epokhi [Response to the events of the Russo-Japanese war in the newspaper “Kursky listok” (1904–1905) in the context of the ideas of the era]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*. 8(33): 1-6. [in Russian]
- Nodo, 1906** – *Nodo, L.* (1906). Pis'ma o voine s Yaponiei [Letters about the war with Japan]. Per. s fr. N.M. Lagov. Sankt-Peterburg: tip. Isidora Gol'dberga, sklad u V.A. Berezovskogo. 328 p. [in Russian]
- O chastnykh mobilizatsiyakh..., 1905** – O chastnykh mobilizatsiyakh, proizvedennykh v 1904–1905 gg. [On private mobilizations carried out in 1904–1905]. *Letopis' voiny s Yaponiei*. 1905. T. 82–83. Pp. 1598-1606. [in Russian]
- Obshchiny..., 2019** – Obshchiny sester miloserdiya Rossiiskoi imperii v 1844–1917 gg.: Entsiklopedicheskiy spravochnik [Communities of Sisters of Mercy of the Russian Empire in 1844–1917]. Pod obshch. red. svyashch. A. V. Posternaka. Moskva: Izd-vo PSTGU, 2019. 608 p. [in Russian]
- Otchet..., 1911** – Otchet o deyatelnosti Rossiiskogo obshchestva Krasnogo Kresta vo vremena Russko-yaponskoi voiny [Report on the activities of the Russian Red Cross Society during the Russo-Japanese War]. T. II. Sankt-Peterburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1911. 961 p. [in Russian]
- Otchet..., 1912** – Otchet Penzenskoi obshchiny sester miloserdiya vo imya Sv. Ol'gi, sostoyashchei pod Avgusteishim pokrovitel'stvom Gosudaryni Imperatritsy Aleksandry Fedorovny za 1911 god [Report of the Penza Community of Sisters of Mercy in the Name of St. Olga, under the August Patronage of Empress Alexandra Feodorovna for 1911]. Penza: Gubernskaya tipografiya, 1912. 33 p. [in Russian]
- PGV, 1904** – *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 1904. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archives].
- RO IRLI** – Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury (Pushkinskii dom) Rossiiskoi akademii nauk [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences].
- Savelova, 2011** – *Savelova, M.A.* (2011). Maskulinnost' i femininnost' kak klyucheveye kategorii gendernoi teorii [Masculinity and Femininity as Key Categories of Gender Theory]. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*. 5–6: 43-47. [in Russian]
- Senyavskaya, 1999** – *Senyavskaya, E.S.* (1999). Psikhologiya voiny v XX veke: istoricheskii opyt Rossii [Psychology of war in the 20th century: Russia's historical experience]. M.: ROSSPEN. 383 p. [in Russian]
- Senyavskaya, 2016** – *Senyavskaya, E.S.* (2016). Voennaya antropologiya: opyt stanovleniya i razvitiya novoi nauchnoi otrasli [Military anthropology: the experience of formation and development of a new scientific branch]. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 1-2(14): 14. [in Russian]
- Senyavskaya, 2018** – *Senyavskaya, E.S.* (2018). Chelovek na voine, ili ternisty put' ot voennoi istorii k voennoi antropologii [Man at war, or the thorny path from military history to military anthropology]. *Istoricheskii vestnik*. 24: 10-43. [in Russian]
- Senyavskaya, 2023** – *Senyavskaya, E.S.* (2023). Voennaya antropologiya v novykh istoricheskikh usloviyakh [Military anthropology in new historical conditions]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 45(8): 46-54. [in Russian]
- Shcherbinin, 2004** – *Shcherbinin, P.P.* (2004). Baba s gazetoi: Kak zhila chernozemnaya provintsiya vo vremena voiny s Yaponiei [A woman with a newspaper: how the black earth province lived during the war with Japan]. *Rodina*. 4: 95-97. [in Russian]
- Shcherbinin, 2004a** – *Shcherbinin, P.P.* (2004). Voenniye faktor v povsednevnoi zhizni russkoi zhenshchiny v XVIII – nachale XX v. [The military factor in the everyday life of Russian women in the 18th – early 20th centuries]. Tambov: Yulis. 510 p. [in Russian]

Sjoberg, 2010 – *Sjoberg, L.* (Editor), *Via, S.E.* (Editor), *Enloe, C.* (Foreword) (2010). *Gender, War, and Militarism: Feminist Perspectives*. Santa Barbara: Praeger. 304 p.

Sokolov, 2022 – *Sokolov, B.V.* (2022). *Lyudskie poteri Rossii i SSSR v voynakh XX–XXI vv.* [Human losses of Russia and the USSR in the wars of the 20th–21st centuries.]. Moskva: Novyi Khronograf. 768 p. [in Russian]

Vorob'eva, 2008 – Vorob'eva, E.A. (2008). *Formirovanie obraza geroya v rusko-yaponskuyu voynu 1904–1905 godov* (na materialakh gazet «Dal'nii vostok», «Sibirskaya zhizn'», «Vestnik Man'chzhurskoi armii») [Formation of the hero image in the Russo-Japanese war of 1904–1905 (based on materials from the newspapers “Dalniy vostok”, “Sibirskaya zhizn”, and “Vestnik of the manchzhurskoy armii”)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 7(1): 141-146. [in Russian]

Zuseva-Ozkan, 2021 – *Zuseva-Ozkan, V.B.* (2021). *Deva-voitel'nitsa v literature russkogo modernizma: obraz, motivy, syuzhety* [The warrior maiden in the literature of Russian modernism: image, motifs, plots]. Moskva: Indrik. 712 p. [in Russian]

Русско-японская война 1904–1905 гг. как фактор модернизации гендерных контрактов: вызовы и практики адаптации

Ольга Александровна Сухова ^{a, *}

^a Пензенский государственный университет, Пенза, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются факторы и специфика эволюции массовых представлений о предписательно-нормативной сущности гендерных контрактов в российском обществе в период Русско-японской войны.

Корпус источников сформирован материалами делопроизводственного характера, периодической печати, документами личного происхождения. Аргументация автора строится на систематизации и обобщении широкого круга исследований, посвященных общим проблемам истории военного конфликта, гендерной истории, отражению социальных представлений в средствах массовой информации, дневниковых записях, мемуарах, формированию образа «девы-воительницы» в русской литературе.

В ходе анализа установлено, что изменение дискурса «маскулинности» и «фемининности» в публичной сфере российского общества обусловлено модернизацией военных технологий, массовым характером мобилизационных практик, ростом численности комбатантов, сохранением высокого уровня религиозности. Механизмы адаптации традиционной культуры к новым вызовам эпохи модерна были реализованы в актуализации идеалов духовно-нравственного служения; укреплении гендерной толерантности; тиражировании практик социальной активности, жертвенности «девоительниц», проявлений «женской власти», что было успешно апробировано в предшествовавших войнах. Обратной стороной медали выступит ускорение процессов эмансипации и активизации женского движения в Российской империи.

Ключевые слова: Русско-японская война, Российская империя, Пензенская губерния, маскулинность, фемининность, гендерные контракты, публичная сфера.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: savtemp@yandex.ru (О.А. Сухова)